

Steppenvölker Eurasiens Степные народы Евразии
Band II Том II

Askold I. Ivantchik Аскольд И. Иванчик
Kimmerier und Skythen Киммерийцы и скифы

DEUTSCHES ARCHÄOLOGISCHES INSTITUT
EURASIEN-ABTEILUNG

INSTITUT FÜR ALLGEMEINE GESCHICHTE DER RUSSISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
ZENTRUM FÜR VERGLEICHENDE ERFORSCHUNG DER ALTEN ZIVILISATIONEN

STEPPENVÖLKER EURASIENS

Herausgegeben von
Askold Ivantchik und Hermann Parzinger

INTERNATIONALES BERATUNGSGREMIUM

Vorsitzende: G. Bongard-Levin (Moskau), H. Kyrieleis (Berlin)

A. Askarov (Tashkent), K. Bajpakov (Alma-Ata)
V. Bočkarev (Sankt-Petersburg), H.-P. Francfort (Paris), Gh. Gnoli (Rom),
B. Hänsel (Berlin), Th. Höllmann (München), K. Jettmar (Heidelberg), G. Kossack (München),
C. Lamberg-Karlovsky (Cambridge, Mass.), B. Litvinskij (Moskau),
V. Molodin (Novosibirsk), M. Moškova (Moskau),
R. Munčaev (Moskau), M. Piotrovskij (Sankt-Petersburg),
D. Raevskij (Moskau), P. Toločko (Kiew)

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЕВРАЗИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ

Под редакцией

Аскольда Иванчика и Германа Парцингера

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели: Г. М. Бонгард-Левин (Москва), Х. Кюриеляйс (Берлин)

А. А. Аскаров (Ташкент), К. М. Байпаков (Алма-Ата),
В. С. Бочкарев (Санкт-Петербург), К. Йеттмар (Гейдельберг),
Г. Коссак (Мюнхен), К. Ламберг-Карловски (Кембридж), Б. А. Литвинский (Москва),
В. И. Молодин (Новосибирск), М. Г. Мошкова (Москва), Р. М. Мунчаев (Москва),
Г. Ньюли (Рим), М. Б. Пиотровский (Санкт-Петербург), Д. С. Раевский (Москва),
П. П. Толочко (Киев), А.-П. Франкфор (Париж),
Т. Хёллманн (Мюнхен), Б. Хензель (Берлин)

STEPPEVÖLKER EURASIENS
Band II

Askold I. Ivantchik

KIMMERIER UND SKYTHEN

Kulturhistorische und chronologische Probleme der Archäologie
der osteuropäischen Steppen und Kaukasiens
in vor- und frühskythischer Zeit

Moskau 2001

СТЕПНЫЕ НАРОДЫ ЕВРАЗИИ
Том II

Аскольд И. Иванчик

КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ

Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии
восточноевропейских степей и Кавказа
пред- и раннескифского времени

Москва 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
ВВЕДЕНИЕ	12
ЧАСТЬ 1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОХОДОВ ЕВРАЗИЙСКИХ НОМАДОВ В МАЛОЙ АЗИИ	14
Глава 1.1. Проблема «киммерийской культуры»	15
1.1.1. Свидетельства письменных текстов о материальной культуре киммерийцев	16
1.1.2. Термин «киммерийская культура» и проблема идентификации археологической культуры исторических киммерийцев	16
Глава 1.2. Погребальные комплексы евразийских номадов в Малой Азии	21
1.2.1. Кочевнические погребения на Норшунтете	21
1.2.2. Кочевнические погребения у Имирлера и Амаьсы	42
1.2.3. Археологическая культура исторических киммерийцев и ее соотношение с «раннескифской» культурой	55
Глава 1.3. Отдельные находки «скифского типа» в Малой Азии	58
1.3.1. «Скифские» находки из Кармир-Блура и других урартских памятников	59
1.3.2. «Скифские» находки VII в. до н. э. в Анатолии и Палестине	67
1.3.3. Археологические следы походов кочевников в Ионии и Лидии	71
1.3.4. Киммерийская бутероль из Сард	74
1.3.5. Псевдокочевнические предметы из Сард и других малоазийских памятников	81
Глава 1.4. Переднеазиатские изображения «евразийских номадов»	98
1.4.1. Рельеф Ашшурнацирпала II из Нимруда	98
1.4.2. Другие изображения «номадов»	105
ЧАСТЬ 2. ПРЕДСКИФСКАЯ И РАННЕСКИФСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПРЕДКАВКАЗЬЯ: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ	114
Глава 2.1. Проблемы хронологии	115
2.1.1. Датировка начала «келермесского» этапа раннескифской культуры	115
2.1.2. Проблемы относительной хронологии предскифских памятников	120
2.1.3. Проблемы абсолютной хронологии предскифских памятников	123
Глава 2.2. Культурные связи Европы и Передней Азии в предскифский и раннескифский период: проблемы развития конской узды	137
2.2.1. Проблемы хронологии закавказских памятников второй половины II—начала I тыс. до н. э., содержащих металлические предметы конской узды	138
2.2.2. Удила с кольчатыми окончаниями и отдельными псалями	158
2.2.3. Удила с жесткокрепленными псалями в Передней Азии и Европе	180

2.2.4. Урартская и раннескифская узда начала VII в. до н. э.	203
2.2.5. Бляшки конской сбруи из Носачевского кургана	210
2.2.6. Бубенцы из Квитковского кургана	220
Глава 2.3. Проблема «переднеазиатских элементов» в предскифской культуре Северного Кавказа	228
2.3.1. Шлемы «переднеазиатского» типа на Кавказе	228
2.3.2. Бронзовые пекторали	247
2.3.3. Чешуйчатые панцири	257
2.3.4. Колесницы на Северном Кавказе	261
Экскурс 2.4. Датировка Хазанлу IV	263
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	281
КАРТЫ	284
БИБЛИОГРАФИЯ	288
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	310
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	312
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН ИМЕН	317
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	319

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа представляет собой переработанный вариант второй части моей кандидатской диссертации, защищенной в июне 1996 г. в Университете Фрибура (Швейцария). Она является результатом исследований, которые я вел с конца 80-х годов в Москве, Фрибуре (1990–1992) и Гейдельберге (1993–1995). Основной текст был завершен в сентябре 1995 г.; некоторые изменения и дополнения, не затронувшие, впрочем, сути моих интерпретаций, я смог сделать при подготовке окончательного варианта данной работы во время пребывания в Центре эллинических исследований в Вашингтоне (1996–1997), а также позже в Страсбурге (1997–1998) и Москве. Вышедшие после 1997 публикации, однако, не могли быть здесь учтены.

Я благодарен многим лицам и учреждениям, помогавшим мне во время работы. В первую очередь я хочу назвать моего учителя Эдвина Арвидовича Грантовского, с которым я регулярно обсуждал многие аспекты этой работы до его трагической гибели в 1995 г. Многим я обязан Г. М. Бонгард-Левину, который постоянно оказывал мне поддержку во время моей работы в Москве, сначала в Институте востоковедения, а затем в Центре по сравнительному изучению древних цивилизаций Российской Академии наук. Я благодарен Марселю Пьерару, Харальду Хауптманну, Карлхайнцу Деллеру, Курту Раафлаубу, Деборе Бедкер и Жерару Сиберу, которые способствовали моей успешной работе во Фрибуре, Гейдельберге, Вашингтоне и Страсбурге. Марсель Пьерар, Харальд Хауптманн и Жак Скамп выступили рецензентами моей диссертации, высказав при этом ряд полезных замечаний и соображений. Я благодарен всем коллегам, которые на разных стадиях работы знакомились с разными ее частями и делились со мной своими соображениями и замечаниями, позволившими улучшить окончательный текст, особенно Георгу Коссаку и Карлу Йеттмару, а также У. Л. Дитц, И. М. Дьяконову, М. Н. Погребовой, Д. С. Раевскому, С. Р. Тохтасеву и др. Я признателен Аделе Билль, вместе с которой мы готовили немецкий текст книги, и Герману Парцингеру, который взял на себя труд его окончательного редактирования. Благодарю также А. Трифонову и В. Красильникову, выполнивших рисунки к книге. Особо я хочу поблагодарить Фонд Александра фон Гумбольдта, чья щедрая финансовая поддержка обеспечила проведение моих исследований в Гейдельберге, где была написана большая часть этой книги, а также ее публикацию. Я признателен также кантону Фрибур и Центру эллинических исследований, которые финансировали мою работу во Фрибуре и Вашингтоне.

Бордо, январь 1999

ВВЕДЕНИЕ

История (в узком смысле слова) евразийских степей начинается достаточно поздно — в VIII–VII вв. до н. э.: именно в это время появляются первые упоминания их населения в письменных текстах. Более ранний период всецело принадлежит праистории и для его изучения мы располагаем лишь данными археологии. Благодаря письменным текстам нам впервые становятся известны имена некоторых народов, населявших евразийские степи в это время, равно как и ряд деталей их истории. История западной части евразийских степей этого периода связана, прежде всего, с двумя народами, упоминаемыми письменными текстами — киммерийцами и скифами.

Появление письменных источников, разумеется, неизмеримо расширяет наши возможности при реконструкции истории населения евразийских степей по сравнению с предыдущим периодом, при изучении которого мы вынуждены опираться лишь на данные археологии. Однако появление новой категории источников ставит перед исследователем ряд новых проблем, с которыми не приходится сталкиваться чистому праисторику. Занимаясь изучением истории евразийских степей скифского периода, исследователю постоянно приходится решать вопросы, связанные с согласованием свидетельств письменных и археологических источников. Например, говоря об этнической истории более ранней эпохи, он вынужден оперировать лишь условными наименованиями археологических культур. Говоря же о скифском периоде, он не может более ограничиваться этим и должен выяснять соотношение той археологической реальности, которая восстанавливается в ходе анализа результатов раскопок, с картиной, воссоздаваемой по письменным текстам, в частности, использовать не только условные наименования археологических культур, но и выяснять, каким образом они соотносятся с реальными этносами, названия которых сохранены письменными текстами.

Центральной проблемой изучения истории степей Восточной Европы в первой половине I тыс. до н. э. остается выяснение того, какой археологической реальности соответствуют этносы киммерийцев и скифов, описанные в письменных текстах. Проблема эта достаточно сложна, так как хорошо известно, что археологическая культура далеко не всегда однозначно соответствует этносу и что, в частности, различные этносы могут принадлежать одной и той же археологической культуре. Главным событием этого периода с археологической точки зрения является формирование так называемой «раннескифской» культуры, достаточно быстро вытеснившей культуру, характерные для степей предыдущей эпохи. Наименование этой культуры «раннескифской» хорошо обосновано и ее связь с историческими скифами вряд ли может вызывать сомнения. Иначе обстоит дело с киммерийцами, археологическая идентификация которых по-прежнему служит предметом дискуссий. Первая часть предлагаемой работы посвящена этой проблеме: выяснению того, какая археологическая реальность скрывается за сообщениями письменных источников о киммерийцах. Для ее решения приходится обращаться не только и даже не столько к материалу, происходящему из степей, которые были, судя по всему, коренной территорией обитания киммерийцев, но и прежде всего к районам Передней Азии. Эти области, служившие объектом военных набегов киммерийцев и, очевидно, достаточно маргинальные для их культуры, имеют, однако, то достоинство, что именно с ними связано подавляющее большинство письменных источников, упоминающих этот народ, и притом источников наиболее достоверных.

Поэтому именно эти районы имеют приоритетное значение при анализе проблем, требующих согласования данных письменных и археологических источников, а именно такой проблемой является вопрос об археологической культуре исторических киммерийцев. Здесь же рассматривается и вопрос о соотношении археологических памятников, оставленных киммерийцами и их современниками, ранними скифами.

Вторая часть работы посвящена в основном хронологическим аспектам проблемы. Проблема датировки смены предскифской культуры раннескифской в степях восточной Европы остается дискуссионной, причем разброс мнений здесь достаточно велик — от середины VIII до начала VI в. до н. э. Во второй части работы я пытаюсь собрать те данные, которые позволяют привязать наиболее поздние памятники предскифской культуры и наиболее ранние памятники раннескифской культуры к существующим системам абсолютной хронологии, прежде всего хронологии передневносточной, а также и центральноевропейской. Именно такая процедура представляется мне наиболее подходящей для установления даты перехода от предскифской к раннескифской культуре в восточноевропейских степях. Наконец, еще один аспект проблемы остается в поле моего внимания в обеих частях работы: культурные связи населения степей конца предскифского и раннескифского периода с их соседями, прежде всего с населением Кавказа, Передней Азии и Центральной Европы.

ЧАСТЬ 1

Археологические свидетельства походов евразийских номадов в Малой Азии

Кочевники евразийских степей впервые появляются в поле зрения письменных источников во второй половине VIII в. до н. э. Первые достоверно нам известные события истории этих кочевников — их походы в Переднюю и Малую Азию, где они вступили в непосредственный контакт с народами, обладавшими письменностью (урартами, ассирийцами, греками и др.), благодаря чему, собственно, и стали нам известны. Походы евразийских кочевников в Переднюю Азию начались не позже 714 г. до н. э., когда они впервые упоминаются в ассирийских текстах, и продолжались, видимо, в течение всего VII в. до н. э. Достаточно многочисленные письменные источники позволяют в общих чертах реконструировать историю этих походов¹. В то же время они оставили и материальные следы, выделение и идентификация которых представляет особый интерес для исследования различных сторон истории евразийских номадов. Так, анализ этих данных необходим для изучения проблемы их взаимоотношений с народами Передней и Малой Азии, включая малоазийских греков, которая должна решаться на основе использования всего комплекса доступных источников — как письменных, так и археологических. Происходящие из Малой Азии археологические данные чрезвычайно важны и для выяснения культурного и этнического облика самих кочевников, в том числе соотношения между двумя основными их группами, упомянутыми в письменных текстах — киммерийцами и скифами. Одним из аспектов этой проблемы является идентификация археологической культуры реальных исторических киммерийцев — проблема, много дискутировавшаяся в науке, но не получившая до сих пор приемлемого для всех решения. Другой частью той же проблемы является и вопрос о культуре ранних скифов, прежде всего о датировке ее возникновения и характере ранних этапов развития.

¹ Ivantchik 1993; Иванчик 1996.

Проблема «киммерийской культуры»

Первая проблема, которая встает перед нами, когда мы пытаемся выявить археологические следы пребывания евразийских кочевников в Малой Азии — это вопрос о том, кем с археологической точки зрения были киммерийцы, т. е. проблема киммерийской археологической культуры. Идентификация археологической культуры киммерийцев и установление ее соотношения с культурой скифов может дать дополнительные свидетельства и по проблеме их языковой и этнической принадлежности. Эта проблема должна была бы, конечно, решаться в первую очередь на основании лингвистических данных. Такие данные, однако, слишком скудны и двусмысленны. Наличный лингвистический материал, связанный с киммерийцами, ограничивается их самоназванием **Gimē/ir*¹, а также тремя сохранившимися в аккадских источниках именами киммерийских царей. Самоназвание киммерийцев не имеет удовлетворительной этимологии и не может быть использовано для выяснения этнической принадлежности этого народа. Три имени киммерийских царей также дают не вполне ясную информацию. Первое из них, *^mTe-uš-ra-a*, возможно, является иранским по происхождению, однако предлагавшиеся его этимологии ненадежны и имеют те или иные формальные недостатки, причем и иное, неиранское (например, хурритское), происхождение данного имени также не исключено². Имя второго киммерийского царя, *^mDug-dam-me-i / Λύδαμης*, скорее всего имеет малоазийское происхождение, а его иранские этимологии не убедительны³. Наконец, третье имя, *^mSa-an-dak-KUR-ru*, имеет в первой части имя киликийского божества *Sand/ta*. Интерпретация второй части имени зависит от прочтения предпоследнего знака — здесь равно возможно как чтение *-kur-*, так и *-šad-*. В первом случае имя киммерийского царя оказывается лувийским по происхождению. Во втором элемент *-kšatru* может быть истолкован как передача иранского *xšaθra* и тогда имя окажется композитным анатолийско-иранским⁴. Последние два имени, видимо, отражают тесные политические и, возможно, династические контакты между лувийским, и специально киликийским, населением Анатолии и киммерийцами. Таким образом, ни одно из трех известных киммерийских имен не имеет несомненной иранской этимологии, а два почти наверняка связаны с Анатолией.

¹ Анализ сохранившихся фиксаций названия киммерийцев и реконструкцию его первоначальной формы, а также разных этимологий этого названия, см. Ivantchik 1993, 127–154; Иванчик 1996, 132–159. Здесь же см. критику высказанного И. М. Дьяконовым предположения о том, что название «киммерийцы» было не настоящим этнонимом, а обозначением скифских мобильных отрядов. На мой взгляд письмен-

ные, прежде всего клинописные, источники свидетельствуют о том, что киммерийцы и скифы были двумя разными, хотя и близкими по культуре этносами.

² Ivantchik 1993, 61–62; Иванчик 1996, 64–65.

³ Ivantchik 1993, 115–118; Иванчик 1996, 122–124.

⁴ Ivantchik 1993, 120–124; Иванчик 1996, 127–131.

1.1.1 СВИДЕТЕЛЬСТВА ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КИММЕРИЙЦЕВ

Скудные собственно лингвистические материалы, как мы видели, не дают ничего определенного для решения проблемы киммерийского этноса и языка. В нашем распоряжении, следовательно, остаются лишь косвенные данные. Часть из них содержится в аккадских клинописных источниках⁵, упоминающих «киммерийские» луки и стрелы и некие «киммерийские» ремни, по-видимому, бывшие деталями конской упряжи. Большая часть этих текстов датируется ахеменидской эпохой, однако некоторые из них относятся и к нововавилонской эпохе, хронологически близкой деятельности исторических киммерийцев в Передней Азии. В нашем распоряжении имеется, кроме того, инвентарный список новоассирийской эпохи, вероятнее всего, времени правления Асархаддона или Ашшурбанипала, в котором упоминается «киммерийская обувь» (ADD 1039 = SAA 7, 120, II, 7–8). Кроме того, чрезвычайно важно, что в поздневавилонских текстах название «киммерийцы» используется для обозначения скифов и саков. Речь идет не только о деловых документах, но и о царских надписях Ахеменидов, составлявшихся параллельно на персидском и вавилонском, а также и других (эламском, арамейском) языках. В этих надписях древнеперсидскому названию *Sakā*, обозначающему, судя по контексту, не только среднеазиатских саков, но и северопричерноморских скифов, регулярно соответствует аккадское *Gimirraia*⁶.

Все это свидетельствует о культурной близости киммерийцев и скифов, представлявших, очевидно, один и тот же, новый для Передней Азии, культурный и военный тип. Связанные с этим типом культуры новые прогрессивные формы вооружения, прежде всего лук и стрелы, названные греками впоследствии «скифскими», а также, видимо, и новый вид конской упряжи (два основных элемента «скифской триады»), впервые, очевидно, стали известны народам Месопотамии именно от киммерийцев. Только этим обстоятельством можно объяснить закрепление за ними названия «киммерийских», а также и то, что новые становившиеся известными жителям Месопотамии народы того же культурно-хозяйственного типа (скифы в широком смысле слова, среднеазиатские саки) отождествлялись ими с киммерийцами. Итак, данные аккадских письменных источников позволяют заключить, что реальные киммерийцы, с которыми ассирийцам приходилось сталкиваться в конце VIII–VII вв. до н. э., были в культурном отношении близки позднейшим скифам.

1.1.2 ТЕРМИН «КИММЕРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА» И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ КИММЕРИЙЦЕВ

Данный вывод подводит нас к вопросу о киммерийской археологической культуре. Термин «киммерийская культура» широко распространен в археологической литературе. Он был введен уже самими первыми исследователями предскифских культур Северного Причерноморья⁷ в качестве их наименования. Такое использование данного термина основывается на неограниченном доверии рассказу Геродота об изгнании скифами киммерийцев из Северного Причерноморья и последующем заселении их страны. Достоверность этого рассказа не подвергалась ни сомнению, ни анализу, и вопрос о со-

⁵ Тексты см. Дандамаев 1977, 30–39; Dandamayev 1979, 95–109; Dandamayev 1992, 159–162.

⁶ Единственный аккадский текст, в котором несомненно упоминается термин *Saka* — СТ 55, 93: 9 (Сиппар, эпоха Да-

рия I).

⁷ Самоквасов 1908, 41 сл.; Ebert 1921, 386 ff; Tallgren 1926; Городцов 1928.

ответствии археологических данных свидетельствам письменных источников о киммерийцах по существу даже не ставился⁸. В то же время само понятие «киммерийцы» принадлежит сфере письменных текстов и должно, вне всякого сомнения, рассматриваться прежде всего именно на их основе. Соотнесение термина «киммерийцы», обозначающего реальный народ, история которого отражена письменными источниками, с данными археологии уже по чисто методическим соображениям возможно лишь после детального изучения письменных текстов. Разумеется, такого рода исследование не входит в задачи археологических работ, так что неудивительно, что применяемый в археологической литературе термин «киммерийская культура» стал лишь условным традиционным наименованием предскифских культур. В то же время неверное понимание условного термина «киммерийская культура» как понятия, обозначающего археологическую культуру реальных исторических киммерийцев, привело к бесплодным и бессмысленным дискуссиям об отождествлении той или иной конкретной предскифской культуры с историческими киммерийцами⁹. В настоящее время наиболее распространена точка зрения А. И. Тереножкина с различными модификациями, согласно которой киммерийцам принадлежали предскифские памятники черногоровского типа и типа Новочеркасского клада¹⁰. В последнее время были сформулированы серьезные возражения против традиционного употребления в литературе даже термина «скифская культура» и отмечены aberrации, к которым подобное употребление приводит¹¹. В еще большей мере данные возражения относятся к киммерийцам, поскольку так называемая «киммерийская» культура имеет значительно меньше прав на то название, которое она носит.

Как кажется, методически верным является совершенно иной подход к проблеме идентификации археологической культуры реальных киммерийцев. Первым этапом такого исследования должно быть подробное изучение письменных источников и выделение на его основе районов несомненной локализации исторических киммерийцев. Изучение археологических данных, происходящих из этих районов, и должно дать ответ на вопрос об их археологической культуре. При исследовании письменных свидетельств о киммерийцах приоритет принадлежит аккадским текстам, обладающим высокой степенью достоверности и составленным одновременно с контактами ассирийцев и киммерийцев. Это не означает, однако, что данные античных источников должны игнорироваться. Они требуют специального анализа с целью выявления исторической информации и ее отделения от поздних ученых построений и мифологизации, однако зачастую эти источники способны осветить те события киммерийской истории, которые не попали в поле зрения клинописных текстов. Подробное исследование аккадских текстов, дающих информацию о киммерийцах, проведено мною в другом месте¹². Там же, а также в других работах¹³ я обсуждал и связанные с проблемой классические тексты, что позволяет перейти к сопоставлению этих данных с археологическими материалами.

Поскольку на основании письменных источников нами установлена культурная близость киммерийцев и скифов, которая должна была отразиться и в археологических данных, из рассмотрения следует исключить те районы, где киммерийцы и скифы (*Iškuzāia* аккадских текстов) находились вместе. Такими районами были восточные границы Ассирии, районы Мидии и Манны, где запросы царей Асархаддона и Ашшурбанипала к богу Шамашу фиксируют совместное пребывание скифов и киммерийцев.

И. Н. Медведская, разделяющая мнение о культурной близости киммерийцев и скифов вплоть до неразличимости их археологических культур, полагает, что памятники, найденные на территории Урарту, в Мидии и восточном Луристане, следует относить к киммерийцам, а происходящие из при-

⁸ Положение здесь изменилось лишь в самое последнее время, см. Алексеев 1992; Медведская 1992; Алексеев, Качалова, Тохтасьев 1993.

⁹ Историю вопроса см. Sulimirski 1960, 45–65; Тереножкин 1973, 7–19; Алексеев 1992, 70–77.

¹⁰ Тереножкин 1976.

¹¹ Погребова, Раевский 1992, 51–52. Несмотря на справедливость этих замечаний, в данной работе, за неимением луч-

шего, используются традиционные термины «раннескифская культура», «скифский звериный стиль» и под. Очевидно, однако, что эти чисто археологические термины вовсе не идентичны понятиям «археологическая культура / звериный стиль реального этноса скифов».

¹² Ivantchik 1993; Иванчик 1996.

¹³ См. особенно Иванчик / Ivantchik, в печати.

урмийского района (Манна) — скифам¹⁴. Такое разделение достаточно странно — ведь письменные источники фиксируют активную деятельность в Манне не только скифов, но и киммерийцев (SAA 4, 24; SAA 10, 111). В то же время на территории Мидии зафиксирована деятельность как киммерийцев, так и скифов (SAA 4, 35, 36, 39, 40, 65, 66, 71). Что касается памятников на территории Урарту, особенно на севере и востоке страны, то здесь также можно предполагать наличие обоих народов, пришедших в Переднюю Азию через Кавказ. Во всяком случае о присутствии скифов на территории Хубушкии нам известно (SAA 4, 23). Районы Манны и Мидии, а также и восточной части Урарту, должны быть поэтому исключены из рассмотрения и объектом нашего внимания должны стать именно районы Анатолии, где пребывание киммерийцев зафиксировано аккадскими текстами, а скифы письменным источникам неизвестны по меньшей мере в течение первых трех четвертей VII в. до н. э.¹⁵ Пребывание скифов в Малой Азии не фиксируется клинописными текстами, а античные авторы знают о нем лишь для более поздней эпохи (сведения о пребывании скифского отряда в Лидии при Алиатте).

Прежде, чем перейти к анализу кочевнических памятников Передней Азии, следует сделать еще одно замечание. Для того, чтобы иметь возможность выделить археологические памятники исторических киммерийцев и отделить их от памятников исторических скифов, надо быть уверенным, что ни один из этих двух терминов не покрывает другой и не употребляется в клинописных текстах VII в. до н. э. собирательно (как название скифов в античной литературе или тех же киммерийцев в поздне-вавилонских текстах). Подобное предположение высказывалось И. М. Дьяконовым¹⁶, по мнению которого в текстах, составленных вавилонскими (но не ассирийскими) писцами, название *Gimirrāia* могло обозначать и реальных скифов, употребляясь расширительно, как в текстах нововавилонской и ахеменидской эпохи, где оно обозначало и среднеазиатских саков, и причерноморских скифов. При этом он полагал, что ассирийские писцы, в отличие от вавилонских, последовательно различали скифов и киммерийцев, поскольку происходили из Северной Месопотамии и были лучше знакомы с этими кочевниками. Ряд возражений против этой гипотезы я уже приводил¹⁷. Подчеркну, однако, еще раз, что аккадские источники конца VIII—VII вв. до н. э. последовательно различают две группы кочевников, называвших себя «киммерийцы» и «скифы». То, что в обоих случаях речь идет о самоназваниях, удостоверяется фиксацией обоих слов в достаточно близкой форме в двух самостоятельных традициях, греческой и аккадской (Κιμμερίοι / *Gimir(r)āia* и под., Σκῦθαί / *I/Aškuzāia*, с протетическим гласным, добавленным во избежание запрещенного в аккадском двусогласного начала слова); заимствование этих этнонимов из одной традиции в другую исключено.

Само появление в аккадских текстах названия *Iškuzāia* свидетельствует о том, что термин *Gimirrāia* в VII в. до н. э. еще не стал собирательным обозначением народов скифо-сакского культурного облика, как это произошло позже, в вавилонских текстах ахеменидской эпохи. Действительно, группа того же военно-культурного облика, что и киммерийцы, ставшие известными ассирийцам раньше, была названа не их именем (как то было бы сделано на 150 лет позже, когда название киммерийцев стало собирательным), а самообозначением этих воинов. Употребление терминов *Gimirrāia* и *Iškuzāia* на равных правах в одних и тех же текстах (в «анналах» Асархаддона, в запросах к оракулу Шамаша, см. особенно запрос SAA 4, 24, где они стоят рядом) свидетельствует об их принадлежности к одному уровню этнической номенклатуры. Если предположить, что название «киммерийцы» уже в это время было собирательным, такое использование двух терминов было бы столь же невозможным, как сочетание «les Allemands et les Brandebourgeois» во французском или «die Franzosen und die Lyoner» в немецком. Наряду с этими двумя конкретными обозначениями вполне определенных групп воинственных всадников, аккадские тексты VII в. до н. э. использовали, действительно, и собирательные тер-

¹⁴ Медведская 1992.

¹⁵ Это обстоятельство недооценивает Г. Коссак (Kossack 1994, 32). Он не разделяет различные регионы Передней Азии, в которых письменные источники фиксируют присутствие киммерийцев и скифов. Это отношение к Передней Азии как к неразделимому единству и недостаточное внима-

ние к данным клинописных текстов приводит его к пессимистическому выводу о невозможности различения археологических следов пребывания двух групп кочевников в Передней Азии.

¹⁶ Дьяконов 1956, 265; Diakonoff 1981, 118–119.

¹⁷ Ivantchik 1993, 79, 86–94; Иванчик 1996, 83, 90–97.

мины, такие как *ummān manda* и *zēr halqāti*. Они покрывали не только киммерийцев и скифов, но и других враждебных Ассирии варваров, например мидийцев.

Следует учитывать, кроме того, и характер аккадских текстов: это не ученые сочинения историко-этнографического характера, как греческая проза, а в основном тексты вполне прагматического содержания (донесения разведки, административная переписка, запросы к гадалкам по конкретным военным и политическим проблемам и под.). Они описывают актуальные события и их роль состоит не в интерпретации и реконструкции этих событий, а в максимально точной передаче информации. Так, например, авторы запросов к оракулу Шамаша, в которых сохранились многочисленные упоминания киммерийцев и скифов, стремились предельно детально и недвусмысленно сформулировать вопросы, перечисляя при этом все возможные угрозы, которых стремились избежать (ср., например, длинные и мелочные перечисления всех возможных лиц, могущих представлять опасность для царя, в запросах, посвященных его благополучию, например SAA 4, 139). Учитывая эту жанровую особенность запросов к оракулу, трудно предполагать, что их составители допускали неточность в наименовании потенциальных противников Ассирии, обозначая реальных скифов названием киммерийцев, даже если и согласиться в принципе с возможностью расширительного употребления этого этнонима в столь раннее время. Как ни трактовать названные тексты, ни у кого не вызывает сомнения, что обе группы, как скифы, так и киммерийцы, были активными действующими лицами в политической жизни эпохи Асархаддона. Употребление одного термина вместо другого создавало бы двусмысленность, и крайне сомнительно, что авторы запросов к оракулу могли ее допустить, подвергаясь риску получить от божества двусмысленный или неточный ответ. Кроме того, как уже указывалось, существует по крайней мере один запрос к оракулу, в котором названия киммерийцев и скифов сохранились рядом (в некоторых других текстах название одного из этих народов рядом с другим восстанавливается с достаточно большой уверенностью). Важно при этом, что имена киммерийцев и скифов включены здесь в список возможных противников, причем в этом списке они стоят не рядом: «будь то киммерийцы, [или урарты], или маннеи, или скифы, [или ...]цы, или любой враг». Такой порядок перечисления совершенно исключает возможность того, что «скифы» для автора запроса являлись лишь подгруппой «киммерийцев»: в таком случае невозможно объяснить, почему их упоминания разделены упоминаниями маннеев и [урартов] (восстановление надежно), хотя ни те, ни другие не могли, очевидно, обозначаться собирательным названием «киммерийцы». На мой взгляд очевидно, что все упомянутые в этом списке названия принадлежат к одному уровню этнической номенклатуры и ни одно из них не покрывает другое. Нет никаких оснований предполагать иное словоупотребление в других текстах близкой даты, относящихся к тому же жанру и составленным тем же кругом лиц.

Разумеется, расширительное употребление названия киммерийцев, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, надежно засвидетельствовано частью аккадских текстов. Однако эти тексты не только датируются гораздо более поздним временем (они относятся к нововавилонской и ахеменидской эпохам), но и принадлежат иной писцовой традиции. Их авторы принадлежали к вавилонским канцеляриям, в отличие от авторов запросов к оракулу бога Шамаша, писем царского архива и большинства других относящихся к проблеме текстов, которые были связаны прежде всего с двором ассирийских царей (хотя часть из них и пользовалась нововавилонским письмом). Традиции канцелярий Северной и Южной Месопотамии различались и раньше, однако эта разница стала, очевидно, еще резче с завоеванием Вавилоном независимости и превращением в главного соперника Ассирии, вскоре приведшего ее к гибели. После падения Ассирии вавилонские писцы стали единственными носителями традиций аккадоязычных канцелярий, и именно их традиции, а не традиции ассирийских канцелярий Северной Месопотамии, наследовали ахеменидские писцы. Из-за отсутствия данных невозможно установить, когда название киммерийцев стало употребляться расширительно для обозначения среднеазиатских саков, но весьма вероятно, что такое его значение было характерно лишь для вавилонской, но не ассирийской писцовой традиции. Видимо, оно возникло в той среде, в которой различие между двумя этническими группами было несущественно и где важнее было их сходство. В Ассирии VII в. до н. э. ситуация была совершенно иной — скифы и киммерийцы были не только активными участниками политических событий, но и локализовались, по крайней мере отчасти, на

различных территориях и, по всей видимости, нередко занимали разные позиции по отношению к ней (есть основания полагать, что скифы одно время были союзниками Ассирии, тогда как киммерийцы, по-видимому, всегда оставались ее врагами). Напротив, для вавилонян, особенно начиная с конца VII в. до н. э., различие между киммерийцами, скифами и саками было несущественным, поскольку ни те, ни другие, ни третьи не представляли для них опасности, да и вообще не играли сколько-нибудь существенной роли в их жизни. Следует отметить, что киммерийцы в это время еще не окончательно исчезли из поля зрения переднеазиатских народов (их «изгнание из Азии» приписывается лидийскому царю Алиатту), хотя и не играли той роли, что прежде. Однако перенесение имени киммерийцев на родственных им по культурному типу саков могло произойти и позже: киммерийцы не обязательно должны были оставаться в это время живой реальностью — достаточно было сохранения воспоминаний о них. Подобные случаи долгого существования этнонима после исчезновения его реального носителя хорошо известны. Так, византийцы называли скифами гуннов, славян и некоторые другие народы спустя многие столетия после исчезновения реальных скифов из степей Причерноморья. Итак, мне кажется наиболее вероятным, что название киммерийцев стало употребляться расширительно, в первую очередь для обозначения среднеазиатских саков, писцами Нововавилонского царства в самом конце VII или VI в. до н. э. Говорить о подобном употреблении этнонима в более раннее время, и особенно в ассирийских канцеляриях, нет оснований. В любом случае некорректно было бы переносить выводы, сделанные на основании анализа словоупотребления текстов нововавилонской писцовой традиции, на тексты, представляющие совершенно иную новоассирийскую традицию.

Все это позволяет считать, что, когда аккадские источники VII в. до н. э. говорят о киммерийцах или скифах, они имеют в виду группу кочевников, которая действительно называла себя соответствующим термином. Поскольку скифы и киммерийцы в этих источниках разграничены территориально, возникает возможность разграничения археологических памятников, оставленных киммерийцами и скифами. Конечно, можно было бы предположить, что кроме этих двух групп евразийских кочевников в Передней Азии присутствовали и другие, не называвшие себя ни скифами, ни киммерийцами. Такое предположение, однако, совершенно умозрительно и представляется излишним. Во всяком случае, известные к настоящему времени достаточно многочисленные источники упоминают только эти две группы, и только о них и можно всерьез говорить при анализе находок «скифского типа» в данном регионе.

Погребальные комплексы евразийских номадов в Малой Азии

1.2.1 КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА НОРШУНТЕПЕ

Некоторое время назад было опубликовано четыре чрезвычайно важных и выразительных комплекса, происходящих с территории Анатолии. Все они являются остатками кочевнических захоронений. Два из них обнаружены на акрополе Норшунтепе, неподалеку от Малатьи в верхнем течении Евфрата¹. Первое представляет собой непо потревоженное конское захоронение. Камера, в которой оно совершено, имеет размеры 3,50 × 2,20 м и высоту около 3 м. Ее стены толщиной 0,50–0,60 м сложены из камня всухую, а пол состоит из плотно утрамбованного слоя глины, лежащего поверх галечного слоя. На глубине около 70 см от верхнего края камеры лежали скелеты двух жеребцов и двух собак, еще примерно на 20–30 см глубже — скелет кобылы. Животные, очевидно, были убиты на месте погребения — хребет кобылы перерублен с помощью обнаруженной здесь же секиры, а один из жеребцов был убит ударом копья со стороны лопатки через грудь² (Рис. 1; 2). Погребение перекрыто строением, которое датируется по находящейся в нем керамике VII в. до н. э. Г. Коссак полагает, что разрушение поселения, к которому принадлежит данное здание, связано с гибелью Урарту во второй половине VII в. до н. э. и датирует погребение первой половиной или серединой этого столетия³. Сам владелец погребенных коней, очевидно, в данной камере похоронен не был, в связи с чем возможны две интерпретации данного сооружения. Согласно одной из них речь может идти о кенотафе. Аналогии таким погребениям на раннескифских памятниках достаточно хорошо известны. Так, например, в полностью раскопанном раннескифском могильнике Нартан в Кабардино-Балкарии обнаружено 4 кенотафа, содержащих достаточно богатый погребальный инвентарь и захоронения коней (в одном из них обнаружен скелет одного коня, в другом трех)⁴. Это предположение может объяснить и наличие в комплексе предметов вооружения, неуместных в конском погребении, сопровождавшем основное захоронение, а также и то, что скелеты коней помещены не на полу погребальной камеры, а значительно выше. Согласно другой интерпретации, которую предлагает автор раскопок Х. Хауптманн, данное сооружение связано с другим, находящимся на расстоянии 22 м к юго-юго-востоку от первого. Связь двух сооружений устанавливается в первую очередь на основании сходной ориентации их строительных остатков.

¹ Hauptmann 1983, 251–270; ср. Hauptmann 1972, 105–107; Hauptmann 1976, 72–73; ср. Медведская 1992, 96–99, рис. 3.

² Ср. еще сообщение о погребении трех коней в отдельном сооружении (видимо, без человеческого скелета) среди урартских захоронений возле деревни Лич к северу от озера Ван (возле Патноса). К сожалению, никаких сведений о погребальном инвентаре или характере сооружения не приводится:

Öğün 1978, 66; Öğün 1978a, 648. Конские захоронения не характерны для урартских погребений, хотя в них часто находят конскую упряжь.

³ Kossack 1987, 63, ср. Hauptmann 1983, 269, Anm. 112.

⁴ Батчаев 1985, 38–44, Таб. 44–46; 49; 51–53; Махортовых 1991, 40; Алексеев 1992, 50.

Список иллюстраций

Рис. 1	План погребения на Норшунтепе. Кони 1 и 2	22
Рис. 2	План погребения на Норшунтепе. Конь 3	23
Рис. 3	Камера второго погребения на Норшунтепе	24
Рис. 4	Инвентарь погребения на Норшунтепе	25
Рис. 5	Раннескифские застежки горитов. 1. Старшая могила; 2. Белоглинка; 3. Прусы; 4. Журовка 447; 5, 16. Журовка 432; 6, 19, 20. Журовка 406; 7. Три Брата; 8. Осняги; 9, 10. Дарьевка; 11. Перебыковцы; 12. Койсуги; 13–15. Репяховатая могила; 17. Луки; 18. Комаровский могильник; 21. Эшкакон 4; 22. Залесье. Кость	26
Рис. 6	Ассирийский рельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине (помещение 6)	27
Рис. 7	Бронзовые предметы из погребения Малого кургана (Азербайджан)	28
Рис. 8	Железные наконечники копий. 1. Топраккале; 2. Хртаноц; 3. Навур; 4. Чоратан; 5, 6. Дилижан; 7. Старшая могила; 8. Келермес; 9, 10. Репяховатая могила; 11. Макеевка 491	29
Рис. 9	Инвентарь погребения В 10а, β 6 Динха-тепе II	30
Рис. 10	Костяные элементы конской узды (пронизи и наконечники псалий) из Келермесских курганов 1 и 2 Веселовского	31
Рис. 11	Инвентарь южного погребения кургана 1 у хут. Красное Знамя	32
Рис. 12	Уздечные наборы и наконечники стрел скифского типа с Кармир-Блура. 1–6. Конская уздечка из помещения 25; 7–10. Уздечка коня, погибшего при штурме крепости; 11–18. Конская уздечка из помещения 18; 19. Наконечники стрел	33
Рис. 13	Бронзовая пронизь из музея Метрополитен, Нью Йорк	35
Рис. 14	Изделия «скифского» типа из Кармир-Блура	37
Рис. 15	Бронзовые кольца с муфтой. 1, 2. «Пшишский клад» 1988 г.; 3. Хутор Алексеевский; 4. Лермонтовский разъезд; 5. Могильник Пшиш; 6. «Аксацкий клад»; 7. Квитки	38
Рис. 16	Инвентарь кургана Уашхиту в Адыгее	39
Рис. 17	Реконструкция колесниц из некрополя Саламина (Кипр). 1. Гробница 79, В; 2. Гробница 2	40
Рис. 18	Кольца от ярма колесниц из некрополя Саламина (Кипр)	41
Рис. 19	Инвентарь погребения у Имирлера	43
Рис. 20	Инвентарь погребения у Лермонтовского разъезда	44
Рис. 21	Находки из могильника Самтавро (Грузия). 1–11. Инвентарь погребения 106; 12–30. Инвентарь погребения 27	45
Рис. 22	Боевые клевцы. 1. Минусинск; 2. Сулак у Оренбурга; 3. Ананьино; 4. Место находки неизвестно, Музей Метрополитен, Нью-Йорк; 5. Перкальский могильник у Пятигорска; 6. Могильник Гунделен; 7. Могильник Уйгарак, курган 84; 8. Погребение у Имирлера; 9. Район Муша; 10. Могильник Сакар-чага 6, курган 23; 11. Орехово Луганской обл.; 12. Анатолия, Археологический музей Стамбула	46–47
Рис. 23	Наконечники стрел из разграбленного погребения между Ташовой и Лядиком близ Амасьи	50–54
Рис. 24	Бронзовые наконечники стрел с рельефными метками в виде «следа птичьей лапы». 1–3. Гумарово; 4. Новая Белогорка, курган 2, погребение 38; 5–7. Разграбленное погребение между Ташовой и Лядиком; 8. Богазкёй	55

Рис. 25	Инвентарь погребения кургана 2 у с. Жаботин	63
Рис. 26	Инвентарь погребения кургана 16 могильника Нартан	64
Рис. 27	Костяные псалии «скифского» типа. 1, 2. Хазанлу III; 3. Капланту; 4–5. Чавуштепе; 6. Нуш-и Джан	65
Рис. 28	Бронзовые наконечники стрел из Богазкёя	66
Рис. 29	Трехпетельчатый железный псалий из Богазкёя	68
Рис. 30	Бронзовые наконечники стрел. 1–4. Нуш-и Джан; 5. Машат Хуюк; 6. Каялыдере	69
Рис. 31	Костяная пластинка из Сард с изображением свернувшегося хищника	74
Рис. 32	Костяные пластинки из Сард	75
Рис. 33	Изображения свернувшегося зверя в кочевническом зверином стиле. 1. Бутероль из с. Рук, Южная Осетия; 2. Бутероль из погребения 164 Тлийского могильника; 3. Бляха из кургана 482 у с. Басовка; 4. Бутероль из кургана 21 некрополя Нартан; 5. Бутероль из погребения 216 Тлийского могильника; 6. Бутероль из кургана 2 у Дарьевки; 7. Бутероль из погребения 258 Тлийского могильника; 8. Бутероль из Фаскау, Осетия; 9. Бутероль из кургана у хут. Степной близ Гудермеса; 10. Бляха из кургана 499 у с. Басовка; 11. Бляшка из кургана 33 могильника Уйгарак; 12. Бляшка из кургана 27 могильника Уйгарак; 13. Деталь бляхи в виде пантеры из Келермесского кургана 1 Шульца; 14. Бляха из кургана Аржан, Тува; 15. Ручка зеркала из района Краснодарского водохранилища; 16. Бляха из Зивие, иранский Курдистан; 17. Бляха из Сибирской коллекции Петра I; 18. Ручка зеркала из Келермесского кургана 2 Веселовского; 19. Бутероль из коллекции Барбье-Мюллер в Женеве, место находки неизвестно	78–79
Рис. 34	1–3. Костяные пронизи с изображением свернувшегося хищника из Келермесских курганов. 4–9. Бронзовые пронизи. 1. Курган 2, раскопки Н. И. Веселовского; 2, 3. Курган 24, раскопки Л. К. Галаниной; 4, 5. Сарды; 6–9. Место находки неизвестно; 6. Частное собрание, Германия; 7. Музей изящных искусств в Бостоне; 8, 9. Музей Метрополитен, Нью-Йорк	82
Рис. 35	1–7. Изображения головы хищной птицы в кочевническом зверином стиле. 8–15. «Клювовидные» и «когтевидные» пронизи. 1. Наконечник ножен из погребения 8 кургана 7 у с. Новоалександровка; 2. Пронизь из кургана 9 у хут. Поповка; 3. Деталь узды из кургана 2 у с. Дарьевка; 4. Наконечник ножен из кургана 6 могильника Нартан; 5. Бляшка из кургана 2 у с. Волковцы (раскопки 1897); 6. Наконечник ножен из погребения 246 Тлийского могильника; 7. Наконечник ножен из погребения 2 кургана Репяховатая могила; 8. Курган 466 у с. Аксютинцы; 9. Курган 478 у с. Волковцы; 10. Курган 38 у с. Гуляй город; 11. Погребение 1 кургана Захарейкова могила; 12. Погребение 2 кургана Репяховатая могила; 13. Каменномостский могильник; 14, 15. Персеполь	83
Рис. 36	Изображения коней ахеменидской эпохи. 1, 2. Персеполь, рельефы ападаны; 3. Расписная чаша из Машат Хуюка	85
Рис. 37	Бронзовые пластинки с изображениями горных козлов и кабанов. 1, 2. Сарды; 3. Измит; 4. Троада (?), Британский музей	87
Рис. 38	Бронзовые пластины и пронизи с изображениями горных козлов. 1. Место находки неизвестно, Цюрихское частное собрание; 2. Турция, частное собрание, США; 3. Сирия, Лувр	88
Рис. 39	Изображения горных козлов и кабанов. 1, 2. Пронизи из Малой Азии (?), Британский музей; 3. Пронизь из Гелы, Южная Сицилия; 4. Пластина из Богазкёя; 5. Предмет из Богазкёя	89
Рис. 40	Пронизи с изображениями горных козлов и кабанов. 1. Турция, Музей изящных искусств в Бостоне; 2. Место находки неизвестно, Музей изящных искусств в Бостоне; 3, 4. Эфесский Артемисий	91
Рис. 41	Пластины из слоновой кости с изображениями горного козла и барана. Эфесский Артемисий	92
Рис. 42	Бляшки с изображениями кабанов и горного козла. 1. Иран; 2. Курган у с. Архангельская слобода; 3. Курган 6 у с. Александровка; 4. «Зивие»	93
Рис. 43	Находки из эфесского Артемисия. 1. Золотая подвеска в виде головы быка, увенчанной головой льва; 2. Бронзовая подвеска-бубенец; 3. Статуэтка богини из слоновой кости	95
Рис. 44	Рельефы Ашшурнацирпала II из Нимруда. 1. Рельеф В.М. 124559 (помещение В, плита 27); 2. Реконструкция рельефов помещения В дворца Ашшурнацирпала II в Нимруде; 3. Рельеф на плите 28 из того же помещения	99
Рис. 45	Изображения конных лучников на ассирийских печатях	101

Рис. 46	Изображения конных лучников на урартских бронзовых поясах	103
Рис. 47	Разгром арабов ассирийцами. Рельефы Северного дворца Ашшурбанипала	104
Рис. 48	Батальная сцена на бронзовом ассирийском ведрке	106–107
Рис. 49	Изображение на клазоменском саркофаге из Британского музея (В.М. 96.6-15.1)	108
Рис. 50	Деталь изображения на клазоменском саркофаге из Британского музея (В.М. 96.6-15.1)	109
Рис. 51	Детали изображений на клазоменских саркофагах. 1. Измир, Basmahane 3493; 2. Париж, Лувр, СА 1024	110
Рис. 52	«Этруская» амфора из музея Ватикана (№ 231)	111
Рис. 53	Аттический динос	112
Рис. 54	Деталь того же диноса	112
Рис. 55	Инвентарь погребения кургана 15 у с. Стеблево	116–117
Рис. 56	1–5. Клад бронзовых вещей из Сурмуши, Грузия. 6–11. Бронзовые предметы из погребения 39 Кубанского могильника	121
Рис. 57	Биметаллические кинжалы. 1–12. Северный Кавказ; 13–16. Памятники «фрако-киммерийского» круга из Центральной Европы	126
Рис. 58	1–27. Инвентарь погребения у с. Бутенки. 28–32. Наконечники копий. 28. Клад Адерно, Сицилия; 29–31. Клад Комлод, Венгрия; 32. Некрополь Кум, Италия	127
Рис. 59	Инвентарь погребения 35 могильника Фарс	129
Рис. 60	Клад у дер. Прюдь, Венгрия	131
Рис. 61	1–14. Инвентарь погребения 186 могильника Клин-яр III у Кисловодска. 15, 16. Находки из разрушенного кургана у с. Радионовка	133
Рис. 62	Инвентарь погребения 34 могильника на территории Кисловодской мебельной фабрики	134–135
Рис. 63	Удила и псалии. 1. Дисковидный псалий из Микен; 2. Дисковидный псалий из могильника Синташта; 3–5. Удила с дисковидными псалиями из Лчашенских курганов; 6. Удила с прямоугольными псалиями из Микен; 7. Псалий из Фив	139
Рис. 64	Бронзовые предметы из клада в Квемо-Сасирети, Грузия	140
Рис. 65	Инвентарь погребения 79 могильника Артик	141
Рис. 66	Бронзовая конская пектораль ассирийской работы с батальной сценой	144–145
Рис. 67	Бронзовые удила с напускными псалиями. 1–4. Некрополь Саламина (Кипр); 5. Астхадзорский могильник, Армения; 6. Псалий из погребения 46 могильника Так-Килиса, Триалети	146
Рис. 68	Бронзовые удила с напускными псалиями. 1. Могильник Димац у Кировакана; 2. Погребение 9 некрополя Калакент у Кировабада; 3. Погребение 49 некрополя Калакент у Кировабада; 4. Курган 1 у Арчадзора; 5. Клад из Тола, Грузия; 6. Гробница 50 (XXI L) некрополя Марлик, Иран	147
Рис. 69	Находки в погребении 1 некрополя Нор-Ареш (Эребуни)	148–149
Рис. 70	Находки в погребении 2 некрополя Нор-Ареш (Эребуни)	150
Рис. 71	Бронзовые фигурки оленей из гробницы 50 (XXI L) некрополя Марлик, Иран	151
Рис. 72	Бронзовая фигурка оленя из Толорского кургана, Армения	152
Рис. 73	Находки из Мингечаурских курганов	156
Рис. 74	Бронзовые удила. 1. Могильник у с. Цинцкаро, Триалети; 2. Хазанлу IV; 3. Погребение 74 некрополя Сялк В; 4, 5. Иран, точное место находки неизвестно; 6. Погребение 117 могильника Трели в Тбилиси	157
Рис. 75	Инвентарь погребения 433 могильника Артик	159
Рис. 76	Инвентарь погребения 218 могильника Артик	161
Рис. 77	Бронзовые удила. 1, 2. Погребение 112 некрополя Калакент у Кировабада; 3. Погребение 10 некрополя Так-Килиса; 4. Некрополь Садахло в районе Тбилиси; 5. Поселение у Ленинакана; 6. Погребение 67 некрополя Так-Килиса	163

Рис. 78	Инвентарь погребения 13 некрополя Бешташени, Триалети	164–165
Рис. 79	Клад бронзовых изделий из Лайлаши, Колхида	166
Рис. 80	Конская узда из Хазанлу IV	167
Рис. 81	Находки из погребения 15 некрополя Сиалк В	169
Рис. 82	Находки из погребения 3 некрополя Тепе Гиан	171
Рис. 83	Инвентарь кургана 23 могильника Сакар-чага 6	173–175
Рис. 84	Находки из кургана 524 у с. Жаботин	177
Рис. 85	1–8. Находки из кургана у хут. Алексеевский близ Ставрополя. 9–17. Находки из погребения 47 некрополя Калакент у Кировабада	179
Рис. 86	Бронзовые удила персидского типа. 1. Персеполь; 2. Афины, слой персидского разгрома; 3, 4. Деве Хуюк; 5, 6. Место находки неизвестно, Киевский исторический музей	181
Рис. 87	Урартская конская узда. 1, 3, 4. Удила с надписью царя Менуа; 2, 5. Удила с надписью царя Сардури II; 6–12. Узда без надписей. 1, 2. Кармир-Блур; 3, 8, 9. Музей Газиантепа; 4. Музей Вана; 5. Азнавуртепе; 6, 7. Музей Элязгы; 10, 11. Музей Аданы; 12. Филадельфийский музей	183
Рис. 88	1–3. Предметы конской узды из разрушенного погребения у с. Макарашен, Армения. 4–16. Находки из погребения на западной окраине Кировакана, раскопки 1961 г.	185
Рис. 89	Находки из «второго комплекса» святилища Мелаани, восточная Грузия	186–187
Рис. 90	Инвентарь погребения 19 могильника Набагреби близ Мхеты, Грузия	189
Рис. 91	Клад бронзовых изделий из Мехчис-Цихе, Грузия	191
Рис. 92	Инвентарь погребения 16 могильника Трели II в Тбилиси	192–193
Рис. 93	Удила. 1. Белин (Румыния); 2, 3. Грансон (Швейцария); 4. Корселет (Швейцария); 5. Мериген (Швейцария); 6. Цюрих-Альпенке (Швейцария)	195
Рис. 94	Удила. 1. Арноальди (Северная Италия); 2. Угра (Венгрия); 3. Фюгод (Венгрия); 4. Верхнекобанский могильник; 5, 6. Иран, место находки неизвестно	197
Рис. 95	Бронзовые удила с жесткокрепленными псалиями. 1. Село Теремцы; 2. Место находки неизвестно, Кировоградский музей; 3. Курган 26 могильника Уйгарак; 4. Курган 55 могильника Южный Тагискен	199
Рис. 96	1–13. Находки из кургана 2 у с. Енджа (Болгария). 14–18. Находки из кургана 376 у с. Константиновка	200
Рис. 97	Находки из погребения на возвышенности Чишко в Адыгее	201
Рис. 98	Перднеазиатские удила из самосского Герайона	204
Рис. 99	Деталь тех же удил	205
Рис. 100	Конская узда из гробницы 3 Алтынтепе, Турция	206–207
Рис. 101	Бронзовые псалии из грабительских раскопок. 1. Праисторическое государственное собрание, Мюнхен; 2, 3. Центральный Римско-германский музей, Майнц; 4. Университетский музей Филадельфии; 5. Музей Элязгы; 6. Музей Метрополитен, Нью-Йорк; 7. Музей Эшмолиен, Оксфорд	209
Рис. 102	Инвентарь Носачевского кургана	211
Рис. 103	Ассирийский рельеф из дворца Саргона II в Дур-Шаррукине	212
Рис. 104	Стенные росписи из дворца Тиль Барсипа	213
Рис. 105	1–12. Бляшки. 13–19. Застежки. 20, 21. Реконструкция конской узды из слоя разрушения Хазанлу IV. 1–6. Курган Аржан, камера 26; 7. Курган Жирноклеевский 6; 8. Мериген, Швейцария; 9. Меллентин, северо-восточная Германия; 10. Кобанский могильник, погребение 31; 11. Курган Стрижена могила, Донецкая область; 12. Хазанлу IV; 13–15. Курган Аржан, камера 1; 16. Курган Аржан, камера 31; 17. Курган Высокая могила, гробница 2; 18. Курган Высокая могила, гробница 5; 19. Курган у с. Васильевка	215
Рис. 106	Находки из кургана у с. Квитки в Поросье	217–219

Рис. 107	Урартские бронзовые колокольчики из восточной Анатолии. 1. Колокольчик с надписью Менуа; 2. Колокольчик с надписью Аргишти I; 3, 4. Колокольчики без надписей	222
Рис. 108	Бронзовые бубенцы из Ирана. 1–3. Хазанлу IV; 4–8. Грабительские раскопки	223
Рис. 109	Бронзовые бубенцы. 1–11. Могильник Артик. 1. Погребение 92; 2, 3. Погребение 180; 4, 5. Погребение 196; 6, 10. Погребение 203; 7, 8. Погребение 322; 9, 11. Погребение 360; 12–21. Могильник Лори-берд. 12–16. Погребение 2; 17–21. Погребение 7	224
Рис. 110	Бронзовые бубенцы. 1. Раданья, Македония; 2. Хаухица, Македония; 3. Этос, Итака; 4. Линдос, Родос; 5. Угра, Венгрия; 6. Тржтено, Богемия; 7–10. Могильник Редкин лагерь; 11. Болонья-Савена, погребение 296; 12, 16–18. Мингечаур, грунтовый могильник и первый курган; 13–15. Болонья-Савена, погребение 94	225
Рис. 111	Находки из разрушенного погребения могильника Клинь-яр III, раскопки 1987 г.	229
Рис. 112	1. Шлем из могильника Фаскау (Галиат). 2–10. Находки из погребения в Приморском, Абхазия	231
Рис. 113	Схематический план погребения в кургане 1 у с. Арчадзор, рисунок Э. Реслера	233
Рис. 114	Битва ассирийцев с урартами. Изображение на бронзовой обивке «Балаватских ворот»	237
Рис. 115	1. Нашечник урартского шлема с надписью Ишпуини. 2. Реконструкция шлема с этим нашечником. 3, 4. Шлемы из Хазанлу IV	239
Рис. 116	Урартские шлемы с надписями Аргишти I. 1. Могильник Верхняя Рутха; 2. Кармир-Блур	240
Рис. 117	Урартские шлемы. 1. Кармир-Блур; 2. Восточная Анатолия, Баденский Земельный музей, Карлсруэ	243
Рис. 118	Бронзовые шлемы. 1. Восточная Анатолия, Государственное праисторическое собрание, Мюнхен; 2, 3. Хазанлу IV; 4. Пале-Пафос, Кипр	244
Рис. 119	Шлемы. 1. Зинджирли; 2–4. Восточная Анатолия	245
Рис. 120	Клад у горы Бештау у Пятигорска	248
Рис. 121	Находки из погребения 1 Султангорского могильника	249
Рис. 122	Инвентарь погребения 14 могильника Клинь-яр III	250
Рис. 123	Находки из погребения на холме Верещагина в Эшери, Абхазия	251
Рис. 124	Находки из погребения в с. Анухва, Абхазия	252–253
Рис. 125	Находки из погребения 11 Бешташенского могильника, Триалети	254
Рис. 126	Находки из погребения у Кабан-горы близ Кисловодска	258
Рис. 127	Находки из погребения 4 могильника «Индустрия-1»	259
Рис. 128	Панцирные пластинки. 1, 2. Алтынтепе, Турция; 3. Хазанлу IV; 4. Кармир-Блур; 5–7. Богазкёй	260
Рис. 129	Бронзовый конский наносник с надписью Ишпуини	265
Рис. 130	Пластинки из слоновой кости. 1. Мегиддо, Палестина; 2. Энкоми, Кипр	267
Рис. 131	1. Ассирийский рельеф В.М. 124544 из дворца Ашшурнацирпала II в Нимруде. 2. Ассирийская конница. Изображение на бронзовой обивке «Балаватских ворот»	268
Рис. 132	Ассирийские рельефы из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде. 1. Плита В.М. 118907; 2. Плита В.М. 118905	269
Рис. 133	Костяные пластинки из Хазанлу IV	271
Рис. 134	Изображения всадников. 1, 2. Рельефы из Зинджирли; 3. Египетский рельеф из Турина; 4. Рельеф Рамсеса II из Абу-Симбела; 5. Среднеассирийская печать эпохи Салманасара I	273
Рис. 135	Ассирийский рельеф из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде. Or. Dg. III. Central XXIII	275
	Карта археологических памятников 1. Восточная Европа и Передняя Азия	284–285
	Карта археологических памятников 2. Иран, Южный Урал, Центральная Азия	286–287